

Такие разные мои ученики

Пока работала в школе, с какими только «методами» родительского воспитания не встречалась! Одни «сдавали» детей – учи школа и воспитывай! Другие держали школу за подспорье, воспитывали и учили многому сами. И были случаи, когда руки опускались от бессилия – от невозможности пробить стену родительского безразличия по отношению к собственному ребёнку.

Моя соседка Галя жила в доме напротив. Наши одноэтажные дома до их сноса смотрели окнами и верандами друг на друга. Сына Гали я учила в младших классах. Вот она была из тех, кто «сдал» детей в школу. Мне говорила: «Учи! Ты за это зарплату получаешь. А мне некогда – встань в пять утра, вымети участок, убери за скотами – мусора всегда по уши». После работы Галя в открытую гнала самогонку, к ней тянулись постоянные покупатели и дружки.

Как я ни старалась, Коля не поддавался моим добрым намерениям. Учился плохо, сидя в классе, отсутствовал на уроке. А дома у меня учил уроки спустя рукава. Я пыталась помогать – не хотел. Может, с пелёнок вобрал циничный пофигизм матери. Мать спивалась, втягивала в пьянку подрастающего сына. Я перестала корить себя за проигрыш в борьбе за Колю – мать не стала на мою сторону.

Помню, ему было лет 16, когда он, напившись до невменяемости, пытался войти в свой дом. При этом разбил ногами стёкла в узких окнах веранды. Одну ногу всунул в правую половинку окна, а другую – в левую. Между ногами была деревянная перегородка. Коля сидел на раме и никак не соображал, почему не может попасть внутрь. Я ушла от своего окна, чтобы не расстраиваться...

Потом Колю посадили за изнасилование маленькой девочки. А мама продолжала вслух оправдывать его. Мол, всем же хочется, а замуж никто не идёт за сына... И волосы вставали дыбом, когда приезжала со свиданий с сыном и без стеснения на весь двор рассказывала, как «давала» сыну – жалела его... В той же тюрьме Колю убили. А Галя через пару лет спилась и умерла. Квартира отошла государству – как и не было людей...

...Училась у меня хорошенька голубоглазка-блондиночка Таня. Такая избалованная – не передать! Пятеро взрослых дома позволяли ей всё. Она и в школе пыталась не учиться, а развлекаться. Могла на уроке вынуть из портфеля лак для ногтей и начать красить ногти. При моих попытках прекратить безобразие кричала-пищала. Могла вместо работы в тетради вынуть альбом для рисования и заявить, что хочет рисовать. Или лепить. Или играть с куклой, которая временами тоже «ходила» в школу... Могла убежать домой – жила в ста метрах от школы. И дома наврать, что учительница (я) кричит на неё и бьёт!

Больше всех верила Тане бабушка. Пришлось потратить уйму времени, пару раз говорить с мамой и бабушкой у них дома. Хорошо, что люди оказались адекватными. Я разрешила Таниной бабушке присутствовать на уроках, понаблюдать и убедиться во вранье внучки. Бабушка приходила на перемене, тихо садилась в уголке. А дети, заходя в класс после столовой, не обращали на неё внимания. И Таня не замечала. Так бабушка увидела фокусы своей внучки. Она вытерпела всего два раза и стала извиняться передо мною за Таню...

Дома рассказала своей невестке, Таниной маме, сыну. И взяли мы девочку в руки. Действовали совместно и одинаково. Таня поняла, что все за одно, и скоро перестала фокусничать. Выросла хорошая девочка, умная и красивая. Сейчас я встречаю её с маленькой дочкой – копией Тани-малышки – моей бывшей ученицы и с сидящим в коляске белобрысым мальчиком. Иногда общаемся, вспоминаем, как Таня пыталась в начальных классах воспитывать и учительницу, и родных. И как, оказывается, она тогда всё понимала – испытывала терпение и ум взрослых. Но мы оказались терпеливее и умнее...

...Пока Карина Розенберг училась у меня в начальных классах, у нас с родителями не было недоразумений. Они начались в пятом классе. Пришла новая учительница музыки и невлюбила Карину. Ни за что. Возможно, завидовала прекрасному голосу девочки... В музыкальной школе по вокалу, да и по другим предметам были пятёрки, Карину хвалили и прочили блестящее будущее. А в школе недалёкая А.И. «клевала» девочку – всё у неё было не правильно! И за четверть выводила то тройку, то четвёрку.

Родители по старой дружбе приходили ко мне – посоветоваться. Ни походы к завучу, ни беседы с директором не дали результата. Пока администрация присутствовала на уроке музыки, всё было хорошо. А потом опять начиналось... Карину пришлось перевести в другую школу. Она закончила девять классов и поступила в музыкальное училище. А там, на первом же конкурсе заезжие гости заметили её чудесный оперный голос и предложили учёбу в Германии...

Встречаю в городе младшую сестру Карины. Она пакует вещи – уезжает к родителям, которые уже давно живут в Германии. У Карины всё хорошо – и карьера, и жизнь сложились. А опусти тогда родители руки? Учителя тоже бывают неправы...

... Был у меня ученик Ромочка. Махонького росточка, крепенький кареглазый тёмноволосый грибок-боровичок. Никакие предметы не давались ему. Математика – ноль, язык – единица, чтение – минус единица... А вот рисование – это что-то! На рисовании Ромочка затихал и умудрялся огрызком простого карандаша творить! У него не было ни карандашей, ни красок, ни бумаги. И мама-алкоголичка, которую я долбила ежедневно, не реагировала – ничего не покупала сыну – и так обойдётся, у кого-то попросит...

Жил Рома тоже рядом со школой, потому зайти к маме мне было не трудно. Но – бесполезно. Мальчик часто оставался за нянюку для младшей сестрички. Так прошёл первый год. А во втором я решила спасти Рому. Отталкиваться от рисования. Силой записала его на продлёнку, оформила на бесплатное питание, уговорив маму не препятствовать и не мешать. А главное, вначале за свои, а потом за деньги родительского комитета мы купили мальчишке всё, что надо было для рисования и уроков художественного труда. А ещё мне удалось записать Рому в школу искусств. Тогда обучение было бесплатным, надо было только водить ребёнка. И удалось пристроить его, водили по очереди две мамы вместе со своими детьми. Так определили судьбу мальчика.

Как Рома рисовал! набросок моего портрета, выполненный карандашом за один урок, хранится у меня до сих пор. А перерисовать что-либо – это было для него пустяковой задачей. Помню, у нас в школе на огромном стенде «Город мастеров» в рекреации была выставка работ Ромы, когда он учился в средних классах. Потом Рома вырос, уехал в Киев. Стал завсегдатаем на Андреевском спуске – там особенное место, собираются не только художники, скульпторы... Туда тянет всех, кто неравнодушен к прекрасному... Рома вырос и стал не просто красивым мужчиной. Его хорошо знают, ценятся его работы.

На недавней ярмарке, которая проходила у нас в городе, я среди художников увидела Рому. Он сосредоточенно писал портрет девочки с натуры. Девчонка крутилась-вертелась, не могла усидеть... А мастер работал, не делая ни единого замечания. Я стояла, как замороженная, за спиной, наблюдала полчаса – вырисовывались точные черты... Потом сфотографировала процесс... Потом отвлекла Рому, пообщалась с ним «за жизнь». Охала и ахала! Рассыпала комплименты. А он разговаривал и улыбался. При этом ни на минуту не оторвался от работы над портретом...

Я порадовалась выросшему зерну таланта. Скромно вспомнила старания свои и чужих родителей, во время помогших маленькому мальчику не потеряться в жизни. И пожелала Роме удачи!